

СЕРИЯ «БУДДЛОГИЯ»

Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Российская ассоциация буддистов Алмазного пути
традиции Карма Кагью

Н. Л. Жуковская

О буддизме и буддистах

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ
1969–2011

Москва
ОРИЕНТАЛИЯ

УДК 294.32
ББК 86.35
Ж86

Издательство благодарит за помощь в издании
книги Российскую ассоциацию буддистов Алмазного
пути традиции Карма Кагью.

Н. Л. Жуковская
Ж86 О буддизме и буддистах. Статьи разных лет. 1969–2011. /
Н. Л. Жуковская — М.: Ориенталия, 2013. — 480 с. — («Буддология»).

ISBN 978–5–91994–023–4 (Ориенталия)
ISBN 978–5–94303–047–5 (Алмазный путь)

Книга доктора ист. наук, проф. Н. Л. Жуковской представляет собой сборник статей, написанных с 1969 по 2011 г. Они посвящены проблемам истории, теории, обрядовой практики буддизма, его месту в современной общественной и политической жизни буддийских регионов России. В статьях сборника, расположенных хронологически в обратном порядке — от более поздних к более ранним, преследуется еще одна цель, поставленная автором в расчете на интересующегося читателя: показать, как за прошедшие почти полвека в стране в целом, в науке и в буддологии в том числе менялись идеологические, методологические и просто человеческие ориентиры в подходе к изучению такого масштабного культурно-исторического феномена, как буддизм.

Издание предназначено для студентов, аспирантов, религиоведов, культурологов, буддологов, этнологов, а также для широкого круга читателей, интересующихся буддизмом и буддийской культурой в России.

УДК 294.32
ББК 86.35

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978–5–91994–023–4
ISBN 978–5–94303–047–5

© Н. Л. Жуковская, В. И. Корнев,
2012
© Издательство «Алмазный путь»,
2013
© ЦРО РАБАПТКК, 2013
© ООО «Ориенталия», 2013

80-лЕТИЮ ИНСТИТУТА ЭТНОЛОГИИ
И АНТРОПОЛОГИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РАН
ПОСВЯЩАЕТСЯ

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 8

Введение 10

ЧАСТЬ I. 1992–2011

Буддизм как культурно-исторический
феномен 18

250 лет официального признания буддизма
в России (размышления о прошедшем
юбилее некоторое время спустя) 60

Буддизм в России:
путь длиною в четыре века 96

Буддизм и шаманизм
как факторы формирования бурятского
менталитета 120

Буддизм и бурятская национальная идея 170

Атлас тибетской медицины
на перекрестке религии и политики 188

Вспоминая Дхарамсалу 212

Буддисты Бурятии
глазами ссыльного народовольца
Моисея Кроля (90-е годы XIX века) 226

К вопросу о награде, полученной Дамба Даржа Заяевым от императрицы Екатерины II	244
Ф. И. Щербатской — С. Ф. Ольденбургу (письмо из Агинского дацана)	254
«Феномен Итигэлова»: версии религиозные, научные, антинаучные и другие	262

ЧАСТЬ II. 1969–1987

Современный ламаизм (на материалах Бурятской АССР)	280
Формы проявления культа природы в пантеоне и ритуалах ламаизма	310
К вопросу о типологически сходных явлениях в шаманстве и буддизме	342
Народные верования монголов и буддизм (о специфике монгольского ламаизма)	362
О семантике некоторых предметов ламаистского культа	390
Изучение ламаизма в СССР (1917–1976)	418
Ссылки на издания	432
Затекстовые библиографические ссылки и примечания	436

ОТ РЕДАКЦИИ

Вниманию читателя представляется очередная книга из серии «Буддология» — сборник статей выдающегося современного востоковеда Наталии Львовны Жуковской.

Н. Л. Жуковская — доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН. В сфере ее научных интересов — история культуры монголоязычных кочевников Евразии (монголов, бурят, калмыков), особенно религиозная традиция этого региона — буддизм, шаманизм, ранние формы верований, их взаимосвязь и взаимовлияние. Изучению этих проблем посвящено значительное количество работ Н. Л. Жуковской, написанных в разные годы жизни. В последние два десятилетия объектом ее исследований стали процессы возрождения российского буддизма, вписанные в контекст уходящей в прошлое и современной истории России. Всего ею опубликовано более 250 работ — монографий, учебных пособий,

хрестоматий, научных и научно-популярных статей, изданных в России и разных странах Европы, Азии и Америки.

Выход этого сборника — событие историческое. В его статьях запечатлены две очень разные эпохи развития российского буддизма — советская и постсоветская. Изучая и практикуя буддизм в России, очень полезно представлять себе, через какие этапы, с их трагедиями и комедиями, это учение проходило в нашей стране, какие формы принимало и каким оно в разные времена видится исследующим его востоковедам. Кроме того, это чтение чрезвычайно увлекательно.

Елена Леонтьева,
кандидат исторических наук

ВВЕДЕНИЕ

Российская буддология с первых лет своего возникновения в середине XIX в. включила в сферу своих исследований не только переводы, комментарии и издание текстов раннего классического буддизма, написанных на языках пали, санскрите, тибетском, китайском, но и изучение живой буддийской традиции, представленной в культуре ряда народов Российской империи — бурят, калмыков, тувинцев.

Тот вариант буддизма, который был воспринят этими народами от тибетцев и монголов, назывался ламаизмом — не только в дореволюционной российской, но и в европейской науке. Под таким названием он вошел в российскую науку советского периода и продержался в ней довольно долго, вплоть до начала 90-х гг. XX в., и уходил из научного тезауруса со скрипом, не желая сдавать устоявшихся позиций, а кое-где в регионах сохраняется по старинке и сейчас. По-разному писали названия школ тибетского буддизма: то с заглавной буквы, то со строчной, то с субъектным суффиксом «па»,

то без него — Гелукпа (гелукпа, гелук, Гелуг, гелуг), Карма Кагью (карма кагью, кагьюдпа, карджудпа), Ньингмапа (ньингма) и т.д. Вместо школ часто использовался термин секта, порою встречающийся и сейчас. Буддизм как название одной из мировых религий использовался в те годы лишь по отношению к странам Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, в то время как Центральная Азия и Южная Сибирь (Тибет, Монголия, Бурятия, Калмыкия, Тува) выделялись в «особый район», внушая тем самым, что здешний буддизм как бы не совсем буддизм и отличается от настоящего настолько сильно, что даже и названия такого не заслуживает.

Схожим образом мотивировали китайцы проводимые ими в 1970–1990 гг. погромы тибетских монастырей, утверждая, что буддизм Тибета — это деградировавшая форма настоящего буддизма, потому она и называется ламаизмом и, стало быть, не заслуживает ни уважения, ни сохранения.

В советские годы вставить слово «буддизм» в заглавие статьи о религии бурят, калмыков, тувинцев и даже монголов (о Тибете в связи с его закрытостью писали вообще очень мало) было непросто, порою даже невозможно, разве что в таких словосочетаниях, как «буддизм-ламаизм» или даже «будда-ламаизм». Сейчас это кажется странным и нелепым, но это правило действовало на протяжении многих десятилетий.

Я начала свою научную деятельность в 60-х гг. прошлого века. Окончив кафедру этнографии Московского университета, я получила специальность историка-этнографа, в которой не разочаровалась до сего дня. Привлекателен в ней не только объект исследования — традиционная культура народов мира, но и то, что изучать степень ее сохранности следовало не по

уже написанным о ней книгам (впрочем, пренебрегать ими не стоило), а в экспедициях к изучаемому народу. Слово «экспедиция» для меня и сейчас звучит как музыка, хотя за плечами уже 52 полевых экспедиционных сезона.

Почему меня привлек к себе мир монголоязычных кочевников, его культура, менталитет, религия, мне трудно объяснить — возможно, в прошлом перерождении я была частью этого мира, и какие-то отголоски былого до сих пор напоминают о себе. А еще, прослушав спецкурс «Религии народов мира», который читал нам на истфаке МГУ профессор С. А. Токарев, я поняла, что из всех религий мира мне более всего интересен буддизм. Так сомкнулись в моей жизни монгольский мир и буддийский мир.

Где можно было в те годы в России посмотреть своими глазами, что такое буддизм? — только в Бурятии. Только там имелись после многих десятилетий, прошедших после разгрома буддизма и буддийской культуры в СССР, два действующих дацана — Иволгинский (в Бурятской АССР) и Агинский (в Читинской области). И началось мое погружение в мир этой культуры.

Сразу стало ясно, что изучать отдельно культуру кочевников и отдельно буддизм — невозможно. Это был уже сложившийся за несколько веков симбиоз, в котором кочевой ментальный комплекс с его языческим и шаманским обрамлением в виде культов Неба и Земли, «хозяев» местностей, проживающих в каждой горе, озере, реке, источнике, чем-то примечательном дереве, вросли в буддизм и весьма основательно потеснили в нем его философию, этику, практику, но зато создали яркий обрядовый мир, в котором со временем перемешалось все; и даже шаманы могли стать ламами, а ламы в случае

необходимости — слегка пошаманивать, особенно если в них имелся так называемый шаманский ген — длинная линия предков, дававшая знания и право на занятие таким промыслом.

Для меня, этнографа, открылся удивительный мир смешанных традиций, культур, религий, и я погрузилась в него на много лет. Впрочем, имелось очень важное «но»... Вся эта культура была в 1920–1940-е гг. разгромлена, а то, что уцелело, ушло в глубокое подполье, проникать в которое человеку со стороны — а все-таки я была именно таким человеком — представляло большую сложность. Преодолевалась она постепенно, год за годом, с большим трудом, путем завоевания доверия местных хранителей и знатоков конфессионального подполья.

ДЛЯ МЕНЯ, ЭТНОГРАФА, ОТКРЫЛСЯ УДИВИТЕЛЬНЫЙ
МИР СМЕШАННЫХ ТРАДИЦИЙ, КУЛЬТУР, РЕЛИГИЙ,
И Я ПОГРУЗИЛАСЬ В НЕГО НА МНОГО ЛЕТ

Вторая сложность состояла в следующем: писать о том, что нашел, открыл, изучил ученый, нужно было очень осторожно, стараясь не подвести людей, чьей информацией и помощью я пользовалась. Было несколько неперемных правил, которые требовалось соблюдать. Во-первых, и ламаизм (именно он, но никак не буддизм), и шаманизм считались практически исчезнувшими пережитками «проклятого» феодально-капиталистического прошлого, и только как о пережитках полагалось о них говорить и писать. Во-вторых, марксистская методология и идеология требовали от авторов публикаций, посвященных любой религии,

«классового подхода» к их изучению, признания, что «религия есть вера в сверхъестественное» и что все, кто еще во что-то верит, невежественные либо обманутые своими пастырями люди. В-третьих, требовалось читать атеистические лекции на разных предприятиях и разным категориям трудящихся (представьте себе лекцию о пережитках ламаизма на заводе «Красный пролетарий» для рабочих утром после ночной смены). Несоблюдение этих правил было чревато разными неприятностями: для членов КПСС — партийными, для прочих — административными выговорами, запретами на поездки за рубеж, а они и так были единичными, отказом в публикации работ и т.д.

Признаюсь честно, правила этой «игры» я соблюдала: писала и про пережитки, и про классовый подход, и про веру в сверхъестественное, и даже атеистические лекции, хоть и с отвращением, но читала. Однажды мне пришлось это делать в московском крематории при Донском монастыре, и это был весьма любопытный опыт.

А потом началась перестройка и все ограничения на то, что писать и как писать, не сразу, но отпали, стало можно писать о чем хочешь и как хочешь. И название буддизм вернулось на полагающееся ему место. И то, что вчера считалось почти исчезнувшими «пережитками», вдруг возникло из небытия. И религиозная жизнь в нынешней России засверкала яркими, хотя и не всегда достойными красками.

Сравнительно недавно мне захотелось взглянуть на свои статьи тех лет глазами сегодняшнего читателя. Поэтому мне показалось, что, несмотря на все перечисленные выше изъяны, а может быть, именно благодаря им, они представляют определенный интерес. За ними стоит целая эпоха в жизни нашей страны,

науки в целом и буддологии в частности, о сложностях которой мало что знает молодое поколение, пришедшее в науку в последние 20–30 лет.

Так возникла идея этой книги — сгруппировать два блока статей, одни из которых написаны в 1969–1987 гг. прошлого века, другие — уже в постперестроечное время, в 1992–2011 гг. Расположить их я решила хронологически в обратном порядке, начав с поздних, близких к сегодняшнему дню, и от них перейти к более ранним. Мне кажется, что понять замысел книги так будет проще и читать их в таком порядке будет более интересно. И даже ссылочный аппарат к статьям я сохранила такой, какой использовался в годы их написания.

ЧАСТЬ I

1992–2011

БУДДИЗМ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

*(опубликовано: Буддизм. Словарь. М.: Республика, 1992.
С. 5–26; в соавторстве с В. И. Корневым)*

Буддизм — самая древняя из трех мировых религий. Христианство моложе его на пять, а ислам — на целых 12 столетий. Основное число его последователей живет в странах Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии: Шри-Ланке, Индии, Непале, Бутане, Китае (включая китайское население Сингапура и Малайзии), Монголии, Корее (КНДР и Республика Корея), Вьетнаме, Японии, Камбодже, Мьянме (Бирма), Таиланде, Лаосе. В нашей стране буддизм традиционно исповедуют жители Бурятии, Калмыкии, Тувы, а в последние годы буддийские общины возникли в Москве, Ленинграде, городах Прибалтики. С конца XIX — начала XX в. последователи буддизма появились в странах

Европы и в США: на сегодняшний день там представлены практически все сколько-нибудь значительные направления и школы, существующие на Востоке. Общую численность буддистов в мире определить трудно: такого рода переписи не проводились нигде, да они и противоречат этическим и правовым нормам многих стран. Однако весьма приблизительно можно сказать, что в мире сегодня насчитывается около 400 млн мирян, исповедующих буддизм, и около 1 млн монахов и монахинь.

В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УГЛА ЗРЕНИЯ БУДДИЗМ
МОЖНО РАССМАТРИВАТЬ И КАК РЕЛИГИЮ, И КАК
ФИЛОСОФИЮ, И КАК ИДЕОЛОГИЮ,
И КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС,
И КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

Возникнув более двух с половиной тысяч лет назад в Индии как религиозно-философское учение, буддизм создал уникальную по масштабности и разнообразию каноническую литературу и многочисленные религиозные институты. Широкая интерпретация философских положений буддизма содействовала его симбиозу, ассимиляции и компромиссу с различными местными культурами, религиями, идеологиями, что позволило ему проникнуть во все сферы общественной жизни, начиная от религиозной практики и искусства и кончая политическими и экономическими теориями.

В зависимости от угла зрения буддизм можно рассматривать и как религию, и как философию, и как идеологию, и как культурный комплекс, и как образ жизни.

Изучение буддизма является важным звеном в понимании социально-политических, этических и культурных систем восточных обществ, в которых существовали и имеются в настоящее время буддийские общины. И сейчас в ряде районов, где буддизм имеет влияние, его приверженцы нередко уважают традиции и авторитет монахов, а также деревенских старейшин больше, чем законы и институты центрального правительства. В этом кроется его огромная потенциальная сила.

Попытка понять роль буддизма в истории, культуре в современной жизни привела к созданию буддологии — науки, изучающей буддизм и все проблемы, которые в связи с ним возникают. В рамках этой науки существует огромное количество литературы, написанной на разных языках в разных странах мира: лишь за последние 100 лет буддизму посвящено свыше 100 тыс. исследований, монографий, статей. Немалый вклад внесли в этот поток ученые нашей страны, ныне здравствующие и уже покойные. Многим из того, что знает современная буддология, она обязана именно им.

Л И Ч Н О С Т Ъ О С Н О В А Т Е Л Я Б У Д Д И З М А

Основатель буддизма — реальная историческая личность. Во всяком случае, так считает большинство ученых, занимающихся историей этой религии, на основании сохранившихся до наших дней письменных источников. И эти тексты, и основанные на них научные исследования, фольклорные жанры и художественные произведения, говоря об основателе буддизма, называют его разными именами: Сиддхартха, Гаутама, Шакьямуни, Будда, Татхагата, Джина, Бхагаван и др. Все они отра-

жают черты и свойства личности основателя либо в его реальной, мирской жизни, либо в последующей — религиозно-мифологической, которая пришла на смену первой. Означают эти имена следующее: Сиддхартха — личное имя, Гаутама — имя рода, Шакьямуни — «Мудрец из племени шаков (или шакья)», Будда¹ — «Просветленный», Татхагата — «Так приходящий и так уходящий», Джина — «Победитель», Бхагаван — «Торжествующий». Самое распространенное из них имя — эпитет Будда, от которого пошло название всей религии.

В настоящее время известны пять биографий Будды: «Махавасту», написанная во II в. н.э.; «Лалита-вистара», появившаяся во II–III вв. н.э.; «Буддха-чарита», изложенная одним из буддийских философов, поэтом Ашвагхосей (I–II вв. н.э.); «Нидана-катха» (примерно I в. н.э.); «Абхиниш-крамана-сутра», вышедшая из-под пера буддийского схоласта Дхармагупты. Основные разногласия возникают при определении времени жизни Гаутамы: эта датировка колеблется от IX до III в. до н.э. Согласно официальному буддийскому летосчислению Гаутама родился в 623 г. и умер в 544 г. до н.э., но большинство исследователей считают датой его рождения 564 г., а смерти — 483 г. до н.э., иногда округляя их до 560 и 480.

Во всех этих биографиях реальная и мифологическая жизнь Будды тесно переплетены друг с другом. Реальная — относительно простая. Сиддхартха — наследный принц, сын царя Шуддходаны, правителя народа (или племени?) шаков, жившего в середине I тысячелетия до н.э. в северных районах долины Ганга в Индии. Богатый и знатный царский род сделал все, чтобы юный принц жил в роскоши, не ведая забот. Любимая жена и маленький сын довершали общую картину безоблачного счастья. Но жизнь полна превратностей.